

A composite image with a red-tinted sunset background. On the left, a baby sits on a dark ledge. On the right, an archer stands on a ledge, reflected in a pool of water below. In the foreground, a gymnast is captured in a handstand. The text 'Георгий Богач' is overlaid on the left, and 'ДВЕ РОДИНЫ' is at the bottom.

Георгий
Богач

ДВЕ РОДИНЫ

Георгий Богач

Две Родины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24510189

Текст предоставлен издательством: Геликон Плюс; Санкт-Петербург;

2016

ISBN 978-5-00098-061-3

Аннотация

«Наставник открыл Книгу откровений и, едва шевеля губами, стал зачитывать начертанные в ней слова. Складки его лица казались резче в свете фосфоресцирующих белесых наплывов на стенах пещеры, бритая голова блестела от пота. Внимая словам Наставника, по левую и правую руку стояли Посвященные в кожаных плащах с едва заметным узором. Среди Посвященных были и молодые мужчины, и зрелые мужи, и старцы...»

Содержание

Глава 1. Монахи Убежища	5
Павел	8
Глава 2. Рожденный в снегах	24
Токио	26
Глава 3. Люди Кре	33
Тренировка	36
Глава 4. Люди Кре (продолжение)	49
Исчезновение	51
Глава 5. Люди Кре (продолжение)	66
Японский городской	71
Глава 6. Бегство	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Георгий Богач

Две Родины

© Богач Г., текст, 2016

© Геликон Плюс, оформление, 2016

Глава 1. Монахи Убежища

Наставник открыл Книгу откровений и, едва шевеля губами, стал зачитывать начертанные в ней слова. Складки его лица казались резче в свете фосфоресцирующих белесых наплывов на стенах пещеры, бритая голова блестела от пота. Внимая словам Наставника, по левую и правую руку стояли Посвященные в кожаных плащах с едва заметным узором. Среди Посвященных были и молодые мужчины, и зрелые мужи, и старцы.

В нишах, выдолбленных в стенах пещеры, располагались статуи, сложенные из грубо тесанных камней, изображавшие Великого создателя у вех Пути познания. Статуй было шесть. Посреди возвышался Камень искупления, у которого неверные монахи убили первого Посвященного Лята, когда тот увел своих учеников из монастыря в пещеру. Когда-то пористый Камень искупления лоснился от впитавшейся в него крови искупивших.

В медной чаше тлела смола ползучей сосны, смешанная с травами и цветами, собранными на Поляне жизни в полнолуние середины весны. Чаша наполняла пещеру нитями желтого дыма и едким ароматом трав. Посвященные вдыхали дым, избавляющий их от усталости и посторонних мыслей, и внимали словам Наставника, уставившись на него расширенными зрачками.

Наставник умолк.

В пещеру вошел молодой ученик, держа в руке исходящий паром потемневший от времени медный кувшин с мятыми боками. Второй ученик нес рассохшийся деревянный поднос с большой ячменной лепешкой, окруженной кусками жареного мяса горного козла.

Посвященные по очереди отпили по глотку из кувшина, отломали по ломтю лепешки и взяли по куску мяса.

Наставник взмахнул рукой. Два дюжих монаха внесли в пещеру голого человека, связанного узкими ремнями. У него была большая темноволосая голова, покатым лоб с выступающими надбровными дугами и скуластое лицо. Из-под сросшихся бровей неукротимо смотрели серые раскосые глаза. Монахи поставили связанного человека на ноги. Он был коренастым и сутулым. Под волосатой кожей перекачивались узлы мышц. Словно улыбаясь, человек обнажил белые зубы и издал гортанный звук. Его руки, связанные впереди туловища, напряглись, чтобы разорвать ремни, но те только сильнее впились в тело. Он подпрыгнул на связанных ногах, не удержался и упал набок.

Наставник еще раз взмахнул рукой. Монахи подняли человека и прислонили его к Камню искупления. Наставник сдвинул брови, и монахи расступились.

Наставник взял у одного из Посвященных длинный изогнутый нож и, держа его перед собой, медленно пошел на связанного человека, словно прижимая его к Камню искуп-

ления своей надвигающейся тенью.

Пленник исподлобья посмотрел на приближающегося Наставника и речитативом произнес несколько неразборчивых слов. Глаза Наставника вдруг закатились, он зашатался и упал, судорожно сжимая нож.

Павел

Павел проснулся и подошел к окну. Хотел одернуть шторы, но правое запястье током пронзила боль. Он растянул связки, когда неловко приземлился на руки, исполняя на тренировке двойное сальто с поворотом. Павел перевязал запястье эластичным бинтом, попробовал, как пружинит ладонь на изгибе, и стал собирать вещи в спортивную сумку.

В комнату вошла мать.

– Пашенька, может, сегодня тебе не стоит идти на тренировку? Дай зажить руке.

– Сегодня я и не буду тренироваться. Только немножко разомнусь и подделаю упражнения на гибкость. Михаил Алексеевич сказал, чтобы я обязательно пришел, он хочет со мной поговорить.

– О чем?

– Не знаю. Вчера к нам в спортзал приходил старший тренер по гимнастике Леонид Кузьмич Панков. Они с Михаилом Алексеевичем закрылись в тренерской и долго что-то обсуждали. Потом вызвали меня и расспрашивали о здоровье, чем болел в детстве и думаю ли тренироваться дальше.

– Странно.

Павел съел бутерброд с сыром, салат из свежей капусты с подсолнечным маслом, попил чаю, оделся и пошел на утреннюю тренировку.

В раздевалке ребята обсуждали состав юношеской сборной команды по спортивной гимнастике на предстоящих соревнованиях Санкт-Петербург – Токио. Когда Павел вошел, все умолкли – видимо, из-за того, что он в сборную не попал. Друг Паши Володя Пилипонов сидел в стороне и обрабатывал мозоли на ладонях. Павел поздоровался, переделся и пошел в спортзал.

Размялся, подошел к кольцам и стал осторожно пробовать, как переносит нагрузку растянутая рука, потом так же осторожно сделал подъем силой и выжал стойку на руках. Подошел Михаил Алексеевич.

– Паша, зайди, пожалуйста, в тренерскую. Нам надо поговорить.

– Хорошо, – Павел опустился из стойки на руках в вис, спрыгнул на мат и пошел за тренером.

– Присаживайся, Паша, – Михаил Алексеевич показал рукой на стул у стены, а сам расположился за столом. Он выдвинул ящик и достал какие-то бумаги, – Паша, ты тренируешься у меня только два года, но и за это время освоил немало сложных элементов на всех снарядах. А твое двойное сальто над жердями уникально. Пора подниматься выше.

– В каком смысле?

– В том смысле, что надо осваивать более сложные элементы и связки. У тебя получится. Как ты настроен?

– Я? Я нормально настроен.

– Понимаешь, Паша, лично я достиг в гимнастике немно-

гого. Даже первого разряда не выполнил. Сейчас учусь заочно в Институте физкультуры.

– Я знаю.

– Короче говоря, тебе нужен более опытный и знающий тренер. Я уже научил тебя всему, что мог. Это предел моих возможностей.

– Но вы сами нам говорили, что нет предела человеческим возможностям, есть только психологические барьеры, которые возможности ограничивают. И нужно эти барьеры преодолевать и даже ломать. Ведь так?

– Конечно.

– Значит, у вас возник психологический барьер, который вам надо преодолеть.

– Ты еще очень молод, Паша, и не понимаешь, что есть разница между психологическим барьером, опытом и... и жизненными обстоятельствами. Мне всего двадцать пять лет. Это для гимнаста солидный возраст, а для тренера – так себе. Тренеры достигают успехов позже, намного позже.

– Я не хочу уходить ни из клуба, ни от вас.

– А тебя никто и не гонит. Вчера мы говорили о тебе с Леонидом Кузьмичом Панковым. Не стану пересказывать наш разговор, но ты будешь тренироваться у него.

– Непонятно – в сборную команду города он меня не включил, а тренировать меня собирается. А почему никто не спросил моего мнения?

– А какое твое мнение?

– Я считаю, что технические приемы Панкова устарели. Например, подъем дугой на брусьях и сальто под жердями его ученики делают только за счет выдвижения таза и очень куце. Не говоря уже о соскоках с перекладины, которые вы же назвали самокрутками. Это же середина прошлого века. А вот вы постоянно добавляете в технику исполнения элементов что-то новое. Это вы научили меня тройному сальто назад прогнувшись в соскок с перекладины. Я не буду переходить к Панкову.

– Подумай о своем будущем, Паша. Я не только молодой тренер, но и связей у меня в этом городе нет. Приехал сюда не так уж и давно и был рад, когда попал в этот клуб. Сейчас придет Леонид Кузьмич, и ты с ним сам обо всем поговоришь.

– Вы что, отказываетесь меня тренировать?

– Нет, Паша, просто меня временно переводят работать в область. Если я туда не поеду, то лишусь ведомственного жилья. Повзрослеешь – поймешь. А тебе как спортсмену времени терять нельзя. Гимнаст старится быстро. Я не хочу подставлять тебя, понимаешь, Паша? Тренеру иногда полезны неурядицы для опыта, а вот гимнаст должен тренироваться и ни о чем не думать.

– Куда вас переводят?

Но Михаил Алексеевич не успел ответить Паше. Дверь открылась, и вошли Леонид Кузьмич и полный мужчина в дорогом костюме из ткани с отливом.

– Знакомься, Паша, это член технического комитета Федерации гимнастики России Анатолий Георгиевич Побережный. Узнал знаменитого гимнаста? – спросил Леонид Кузьмич и улыбнулся.

– У меня дома есть фотография Побережного, вырезанная из старого журнала «Физкультура и спорт», но...

– Но там я худой и чернявый, – перебил Павла Побережный. – А сейчас я толстый и седой. Но все-таки это я. Давай, Павел, сразу приступим к делу, – Анатолий Георгиевич снял пиджак, повесил на стул, ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, которая округлилась на животе. – Леонид Кузьмич показал мне видеозаписи твоих комбинаций на снарядах. Интересно, очень интересно. Сиди, сиди, не вставай. Понимаешь, Паша, российская гимнастика сейчас переживает далеко не лучшие времена. Чтобы исправить дело, нужны новые талантливые ребята, которые подняли бы общий уровень гимнастики и задали бы тон другим. Но не обольщайся – чемпионом ты вряд ли станешь. Вот комбинации на некоторых снарядах ты смог бы сделать классно, на голову выше других, скажем, на брусьях и перекладине. Прыжки и конь явно не твои снаряды. Кольца и вольные упражнения надо подтянуть. Ученикам этого не говорят, чтобы не баловать, но я считаю, что ты один из тех, кто начнет возрождение нашей гимнастики. Как ты на это смотришь?

– Нормально смотрю. Тому, что я умею, меня научил Ми-

хаил Алексеевич.

– Вот и хорошо. Нужны не только новые молодые гимнасты, но и перспективные молодые тренеры. Кстати, я помню, как выступала твоя мать – Маша Горемыкина. Она была очень неплохой гимнасткой. Маша не достигла высот, но и техника, и вкус у нее были отменные. Ты очень напоминаешь ее смелостью исполнения.

– Сейчас ее фамилия Сосницкая.

– Я знаю. Ты серьезно относишься к гимнастике?

– Серьезно.

– Тогда мы поговорим обстоятельно. Я заеду за тобой через час. Тебе все равно сегодня тренироваться в полную силу нельзя. Буду ждать в машине у скверика, что позади спортзала.

– Хорошо.

После тренировки Павел вышел из старого двухэтажного здания спортзала, которое вот-вот должны были снести, а на его месте построить то ли дворец спорта, то ли бизнес-центр, и направился к скверику. Из «Лексуса» его окликнул Анатолий Георгиевич.

– Садись, Паша, в машину. Вот сюда, рядом. Пристегни ремень. Ты, конечно же, еще не ел. Вообще-то я живу в Москве, но и в Питере у меня есть небольшая квартирка. Друзья помогли. Как говорится, не имей сто рублей. Поедем ко мне, поужинаем, заодно и поговорим. Есть хочешь?

– Не особенно.

– Ничего, поужинаешь. Нам с тобой надо многое обсудить. Ты уже взрослый парень и должен учиться уму-разуму.

Машина Побережного с Каменноостровского проспекта выехала на Большой проспект Петроградской стороны, затем по Тучкову мосту пересекла Малую Неву и въехала на Малый проспект Васильевского острова.

– Удивительно. Сегодня нет пробок, – весело сказал Анатолий Георгиевич. – Сейчас доедем до Наличной улицы, и мы уже дома. А вот в Москве, доложу я тебе, пробки на дорогах такие, что вам, питерцам, и не снились.

– Вы в Питере, наверное, по делу, а из-за меня отвлекаетесь.

– Паша, в вашем клубе я появился не случайно. И в Питере не случайно. В Питер я приехал исключительно из-за тебя.

– Не такой уж я крутой гимнаст, чтобы из-за меня приезжать. Вот у Володи Пилипонова действительно классные комбинации.

– Это твой друг? Неплохой гимнаст. Но неплохой гимнаст – это не то, что нам сегодня надо. Сейчас не те времена. Сегодня нужны звезды. Вот мы и дома, – Анатолий Георгиевич свернул во двор и припарковал машину под большим деревом. Табличка на пятиэтажном кирпичном доме гласила: «ул. Наличная, 19».

Они зашли в угловой подъезд, поднялись на четвертый этаж, и Анатолий Георгиевич позвонил в дверь, расположен-

ную справа. Открыла высокая женщина лет сорока с пышными формами. Она улыбнулась и мягко сказала:

– Проходите.

– Вот, Ирусик, привел будущего чемпиона по гимнастике. Зовут его Павел. А эту красивую даму зовут Ирина Михайловна. Обувь снимай, надевай тапочки. Мы, гимнасты, люди аккуратные, правда, Паша?

– Конечно, – Павел снял туфли и надел домашние тапочки.

– Пойдем, Паша, на кухню. Перекусим, поговорим, обсудим, поспорим. Ирусик, накрой нам стол.

Кухня в угловой квартире была треугольной.

– Располагайся вот здесь, а я присяду напротив. Тебе как спортсмену водки не предлагаю, а я выпью, и выпью с удовольствием. День был нелегкий. Ваш Питер поменьше Москвы, но мотался я сегодня немало. Причем из одного конца в другой. Ирусик, ты нам чего-нибудь легонького, рыбки сообрази и овощей. А мне как хохлу сальца нарежь, того, что привез. Мне из Чернигова сала прислали с прожилками мяса, такого, как люблю. Бывал в Чернигове, Паша?

– Не приходилось.

– А я там родился, тренировался, стал мастером спорта. А когда в сборную команду Союза попал, в Москву позвали. Там и застрял. Но Питер я очень уважаю. Что ни говори, культурная столица. Здесь много толковых гимнастов было. Все мне в них нравилось, но какие-то они не боевые были,

я бы сказал, слишком скромные. Мало питерцев в сборную Союза попадало, мало. Наглости и напористости им не хватало, а в спорте без этого нельзя. Но ты-то, надеюсь, в сборную России попадешь. Если старших слушаться будешь. Ты сам себе накладывай в тарелку все, что нравится, осетринку бери, стерлядочку, картошечку, салатик, – Анатолий Георгиевич налил себе стопку водки, смачно выпил, крякнул, воткнул вилку в соленый груздь, закусил.

Павел вопрошающе посмотрел на Ирину Михайловну, ожидая, что она тоже сядет за стол.

– Иришка, к сожалению, с нами поужинать не сможет, обещала к соседке зайти, массаж ей сделать. Она классно массаж делает. Меня, помню, от радикулита спасла, – Анатолий Георгиевич пристально посмотрел на Ирину Михайловну, и та вдруг заторопилась.

– Да, да! Я к Женьке из тридцатой квартиры обещала зайти, шею размять. У нее сильно давление подскочило, – она пошла в прихожую, и за ней захлопнулась дверь.

Анатолий Георгиевич налил себе еще стопку водки, выпил и закусил салом.

– Вот какое дело, Паша. Я являюсь членом технического комитета не только Российской федерации гимнастики, но и Международной федерации. А ты знаешь, что такое технический комитет?

– Ну, он занимается, наверное, определением трудности элементов, комбинаций и связок, составлением обязатель-

ных программ...

– Правильно. Но это еще не все. Предположим, тебя озаарило и придумал ты новый элемент, скажем, на кольцах. И со своим тренером начинаешь разучивать его методом проб и ошибок. Ты набиваешь синяки, растягиваешь связки, падаешь, но в конце концов исполняешь-таки то, о чем мечтал и грезил. И ты первый, кто исполнил какое-то хитрое сальто, невероятный выкрут или поворот на тысячу восемьдесят градусов! И ждешь после этого, конечно, что все тебя начнут хвалить и на руках носить. Но все не так просто. Ведь посмотреть на новый элемент можно по-разному. Оценить его можно как что-то новое, прогрессивное, сложное или, скажем, как упрощенную модификацию давно известного элемента, снижающую его техничность и сложность. И последнее решающее слово тут за техническим комитетом Федерации гимнастики. Новые перелеты на перекладине, акробатические прыжки, круги на коне приносят впервые исполнившему их гимнасту славу, почет, медали и деньги. И не только гимнасту, но и его тренеру. А там, где слава и деньги, там зависть, сплетни, месть и подножки. Именно технический комитет определяет необходимую амплитуду исполнения нового элемента, положение ног, рук, туловища, головы гимнаста. Скажем, если ноги согнуты в коленях, то это ошибка, если гимнаст вылетел над снарядом на малую высоту, то этого недостаточно. И оценку за исполнение судьи то понижают, то повышают, то вообще считают элемент не вы-

полненным. Я внимательно просмотрел видеозаписи твоих выступлений не только на соревнованиях, но и на тренировках. На соревнованиях всего не покажешь, там исполняют только отработанные элементы и комбинации. А вот на тренировках исполняют все, что могут и как могут. У тебя есть несколько новых и, я бы сказал, уникальных элементов. Об этом не знаешь ни ты, ни твой молодой тренер. А ведь это – и твой, и его успех. Пойдем в комнату, я тебе кое-что покажу, – Анатолий Георгиевич поднялся из-за стола и пошел в комнату, Павел за ним. – Присаживайся на диван.

Анатолий Георгиевич вернулся на кухню, налил себе еще стопку водки, выпил, закусил и вернулся в комнату. Он раскрыл ноутбук, лежавший на столике перед диваном, и включил его.

– Паша, в ноутбуке диск с записями твоих тренировок и выступлений на соревнованиях.

На мониторе ноутбука Павел появлялся то на одном гимнастическом снаряде, то на другом. Когда он завис, перелетая над перекладиной, стало заметно, что гимнаст немного тяжеловат и гриф перекладины сильно под ним прогнулся.

– Ты, Паша, телосложением больше подходишь для вольной борьбы, нежели для гимнастики, но на снарядах преобладаешь, выполняешь комбинации легко и как бы теряешь часть своего веса. Это признак большого мастерства. Причем оно у тебя природное, а не приобретенное. В твоей работе на снарядах никакой школы не чувствуется. Это и по-

нятно – твой тренер еще не понял, что гимнастика начинается со школы, с первого шага, за которым следует второй, третий и так далее. В гимнастике нельзя подниматься вверх, перескакивая через ступеньки, нельзя пропускать ни одного шага. Это как в азбуке – надо выучить все буквы. Двадцатью буквами роман не напишешь. Ты единственный гимнаст, который исполняет сложнейшие элементы, не имея настоящей школы. Я пока не понимаю, в чем здесь секрет: ты либо исключение из правил, либо – родоначальник новой гимнастики, – Анатолий Георгиевич замолк, испытующе глядя на Павла.

– Я занимаюсь гимнастикой всего четыре года. До этого я действительно занимался борьбой. Наверное, я пришел в гимнастику слишком поздно. Так что вряд ли из меня что-то получится.

– Все это я знаю. Ты высоко прыгаешь двойное сальто, а простые перевороты вперед делаешь, позорно приземляясь на пятки. Что это? Это отсутствие школы. Многие элементы тебе придется переучивать. А переучивать гимнаста намного сложнее, чем учить с начала. Иногда это вообще невозможно. Год-полтора тебе надо поработать с хорошим тренером, чтобы освоить школу гимнастики, ее азы.

– С каким тренером? С Леонидом Кузьмичом Панковым?

– А ты считаешь его хорошим тренером?

– Нет.

– Понятно. Кстати, ты прав. А у кого хочешь тренировать-

ся?

– У Михаила Алексеевича Родунца.

– Родунец со временем станет настоящим тренером, и сейчас он уже кое-что понимает, но о чем-то даже не догадывается. Ему еще набирать и набирать опыт. Пока он встанет на ноги, то испортит тебя бесповоротно, да и возраст твой уйдет. У гимнаста, как у женщины, век короток.

– А Леонид Кузьмич не испортит?

– А кто тебе сказал, что тебя будет тренировать Леонид Кузьмич?

– Он сам и говорил.

– Ах вот оно что! Этого козлика тоже потянуло в огород. Тренировать тебя буду я. Я могу себе позволить отбирать способных учеников. Такие фамилии, как Михайлов, Кирилл-лаш, Слободкин, тебе о чем-то говорят?

– Я видел их на соревнованиях, но не знал, что это ваши ученики.

– Смотри, – Анатолий Георгиевич нажал клавишу. – Здесь ты выполняешь перелет Ткачева с пируэтом. Вот ты вылетел над перекладиной, дополнительно сделал поворот на 360 градусов и вновь схватился за гриф. Это же фантастика! Мы разбирали этот перелет в замедленном темпе с кандидатом физических наук, специалистом по кинематике тела спортсмена. Он рассчитал все движения твоего тела и сказал, что они почти невозможны. Вот здесь ты должен был упасть прямо на перекладину! Но ты сориентировался в воздухе, легко

схватился за гриф и продолжил комбинацию. Ученый сказал, что для этого ты должен был стать втрое легче. А вот ты делаешь сальто под жердями на брусьях с поворотом. Вылетаешь вверх, крутишь пируэт и хватаешься за жерди в стойке на руках! А вот тройное сальто прогнувшись в соскок с перекладины с двойным пируэтом. Смотри – ты докрутил его на высоте грифа и приземлился, как бы прыгая сверху. Здесь еще много интересного. Чтобы освоить эти элементы с таким мастерством, руководители сборных команд некоторых стран заплатили бы большие деньги. Понимаешь?

– Нет.

– Ну потренируешься ты еще лет пять-шесть и устанешь. Суставы начнут хрустеть, сердечко станет шалить, голеностопы сделаются ватными, прыгучесть забьется. Так-то. Поэтому свое мастерство надо не хоронить, а вовремя передать другим. И не даром. Ты цены себе не знаешь. Мы с тобой так раскрутимся, что тебе и не снилось. Ты кем хочешь стать?

– Вообще-то я хочу поступать в медицинский институт.

– Одно другому не помеха, даже наоборот. Медицинское образование дает тренеру больше знаний, чем институт физкультуры. Это серым посредственностям нужно специальное образование для ремесла, а таланту оно только вредит. Для начала тебя должны заметить и запомнить. Для этого надо почаще появляться на международных соревнованиях и выполнять комбинации, вызывающие скандалы, восхищение и споры. Хрен с ними, с медалями и дипломами, скандалы сто-

ят дороже. Споры и скандалы – это реклама, это привлечение внимания, это зависть. А если привлекается внимание, то привлекаются и деньги. Это для нас с тобой миллион долларов – очень большие деньги, а для тех, кто крутит спортом, это вроде как для нас пятихатка.

– На международные соревнования еще попасть надо.

– Вот это уж моя забота. Кстати, ты в курсе, какие состязания намечаются для юниоров в ближайшее время? А то я больше о крупных соревнованиях знаю.

– Через два месяца встреча молодежных сборных команд Санкт-Петербурга и Токио.

– Тебя, конечно же, включили в сборную города?

– Нет, хотя на отборочных соревнованиях я поделил первое и второе место с Володей Пилипоновым. Сказали, что я для этих соревнований староват, да и техника исполнения у меня шероховатая.

– Кто сказал?

– Наш главный тренер – Леонид Кузьмич Панков.

– Опять Панков! Ты поедешь на эту встречу. Это я тебе обещаю. Кто руководитель команды?

– Панков.

– Сейчас я ему позвоню.

– Может, не надо ему звонить? Он все равно меня не возьмет.

– Ты, Паша, еще пацан. Не лезь в дела взрослых. Панков послушается меня, как миленький. Твоя задача сейчас – тре-

нироваться и готовиться к соревнованиям. И тебе не призовые места и баллы надо зарабатывать, а известность.

Глава 2. Рожденный в снегах

Пленник внезапно оттолкнулся от Камня искупления и упал рядом с Наставником, который лежал на спине с закрытыми глазами, сжимая нож. Повернувшись на бок, пленник зубами выдернул нож из рук Наставника и, двигая головой, разрезал ремни на своих руках. Потом освободил ноги, вскочил и, наклонив голову, с разбега вклинился между учениками и монахами. Разбросав их по сторонам, он выбежал из пещеры. Все произошло в течение пяти вдохов.

Посвященные наклонились над Наставником, лежащим лицом вверх. Постигнувший Великое откровение сладко причмокнул и захрапел. Храпеть могли уставшие охотники, но это не пристало делать Наставнику. Ученики, монахи и Посвященные в смущении опустили глаза.

– Догоните рожденного в снегах и убейте его! – крикнул монахам Посвященный Ва, левая половина лица которого было изуродована шрамами.

– Но нож не коснулся его тела, и его руки не коснулись ножа, он держал его зубами, – возразил один из монахов. – Он освободился бескровно, и он свободен.

– Он усыпил Наставника языческим заклинанием. Его слова осквернили слух и умы Избранных. Он должен искупить вину, омыв Камень своей кровью. Догнать и принести рожденного в снегах к Камню искупления!

Монах Ю пустил по следу Рожденного в снегах стаю черных остроносых собак. Пятеро монахов выпили по глотку напитка хра, укрепляющего дух и тело, взяли луки со стрелами, наконечники которых были смочены соком травы ум, боевые ножи, и пошли в горы вслед за собаками. Юркие собаки, выглядевшие черными точками на белом снегу, карабкались вверх по склону Зеленой горы, взвизгивая от нетерпения. Они чуяли беглеца.

Чей-то голос, отдающийся эхом в горах, отвлек внимание монахов. Они оглянулись. На уступе горы стоял монах Саж – телохранитель Постигнувшего Великое Откровение. Его полуголоое тело исходило паром. Выкрикнув три слова самообвинения, он прыгнул с уступа, развернулся в воздухе и воткнулся головой в камни. Так он искупил свою вину перед Наставником, избежав более мучительной смерти.

Монахи шли дальше.

Токио

– Получается, Паша, что нас обоих не взяли в сборную города. Из-за меня не взяли.

– Из-за тебя?!

– Да, из-за меня. Ты обратил внимание, как Леонид Кузьмич на меня посматривает?

– Как-то не заметил, – спокойно ответил Павел и тут же поднял глаза на Свету, – Ты что, думаешь, этот старик посматривал на тебя как на женщину!? Тебе же шестнадцать, а ему лет сорок пять, не меньше.

– Ну и что? Он года два крутил любовь с Людкой Щапиной, а потом она вышла замуж за Сережку Козлова. После этого Леонид Кузьмич на меня глаз положил. Его только на молоденьких и тянет. Кстати, он старый холостяк.

– Что-то такое я о нем слышал. Но ты же встречаешься со мной.

– Поэтому нас и не включили в сборную команду. На педсовете Панков заявил, что мы с тобой нарушаем спортивный режим и поэтому нас на международные соревнования брать не стоит в воспитательных целях.

– А ты откуда об этом знаешь?

– Мне Валентина Васильевна сказала.

– Понятно. А какое им всем дело до наших отношений? – Павел сбросил с себя одеяло, встал с тахты и начал одевать-

ся. – Ты поспи, а я пойду на тренировку.

– Отдохни, тебе же на соревнования все равно не надо ехать. Значит, можно немного посачковать.

– Я, наверное, все-таки поеду на эти соревнования.

– Да? Каким же образом?

– Мне обещал Анатолий Георгиевич.

– А кто такой Анатолий Георгиевич?

– Большое спортивное начальство из Москвы. Ему мои комбинации на перекладине и брусьях понравились. И вообще он взял меня под свое покровительство.

Светлана тоже поднялась и набросила на себя халат.

– Надо привести себя в порядок. Мать с минуты на минуту может приехать, – она подошла к туалетному столику, взяла расческу и стала расчесывать свои иссиня-черные волосы.

– Тебе, Светка, не в гимнастику надо было идти, а рекламировать всякую там косметику и духи, а лучше всего – женское белье. На твоей фигурке оно будет так смотреться, что его тут же раскупят.

– Для этого я ростом не вышла. А что, я красивая?

– А то ты не знаешь! Вот Сашка Лободян глаз с тебя не сводит. Вчера так засмотрелся, что грохнулся на спину, когда соскок с колец делал. Опасная из тебя женщина вырастет. Хищница.

– Вот закончу спортивную карьеру и пойду дорогие товары рекламировать.

– Ты, Света, скорее всего за какого-нибудь миллионера

замуж выскочишь.

– А ты что, миллионером собираешься стать?

– Нет, я хочу стать врачом.

– Вот я за врача замуж и выйду. Возьмешь?

– Возьму.

– Слушай, а когда же ты летишь в Токио?

– Я не хотел тебе говорить, Светик. Мы уезжаем завтра.

После сегодняшней тренировки пойду домой, соберу вещи и документы. Утром «Стрелой» поедem в Москву. А оттуда на самолете. Ты что так на меня смотришь? Мне что, не ехать?

– Ехать, Пашенька, ехать. Мужчина должен карьеру делать. Значит, ты мне два месяца ничего не рассказывал, – Света улыбалась, но глаза у нее были грустные.

– Я вечером позвоню, а завтра приходи меня провожать.

– Любка Новицкая ревновать будет. Она тебе и в Японии проходу не даст. Любку включили в сборную, хотя ее комбинации на снарядах слабее моих. Что же ты за меня не хлопотал перед своим московским покровителем?

– Успею еще. Это не последние соревнования. И поважнее этих соревнования будут. Все еще впереди. Ты у меня суперзвездой станешь вроде Фатимы Шагивалиевой. Ты красивее ее.

– А ты меня любишь?

Павел почему-то промолчал.

...Павла провожали мать и Света. За несколько минут до отхода поезда на перрон прибежал Пашин отец.

– Извини, что опоздал. Задержался в Росминералсоюзе. Возвращайся с победой, Паша. Мы все тебя будем ждать, – сказал отец. У него был усталый вид, появились круги под глазами.

Вместе с тренерами и ребятами Паша вошел в вагон скорого поезда.

Мать, отец и Света стояли на перроне и смотрели, как поезд Санкт-Петербург – Москва набирает скорость. В Светиных глазах стояли слезы.

Пашино место оказалось на верхней полке купе. Он расстелил постель и почти сразу уснул.

Утром ребят на автобусе отвезли в аэропорт с Ленинградского вокзала.

Самолет взлетел и словно завис в пространстве. В иллюминатор были видны облака под самолетом, большими пятнами покрывавшие землю. Реки, озера, леса и города внизу казались нарисованными. Сбоку медленно акулой проплыл другой самолет и пропал из виду. Павел даже рассмотрел заклепки на его крыльях. Ребята подкрепились бутербродами и незаметно для себя уснули.

Самолет неслышно коснулся бетона, проехал по инерции и остановился. Подкатили трап, открылись двери и стали выходить пассажиры. Аэропорт обрушился на прилетевших гулом взлетающих и садящихся самолетов, разноязычными объявлениями по радио и множеством светящихся табло с разноцветными указателями и рекламой. В зале аэропорта,

прозрачными стенами напоминающем громадный аквариум, то тут, то там, словно стайки рыбок, собирались группки людей. Ребят и тренеров встретили и провели к автобусу улыбающиеся мужчина и женщина в строгих деловых костюмах. Мужчина что-то говорил Леониду Кузьмичу, а женщина переводила на русский.

Автобус долго ехал по незнакомым улицам, мостам, пересекал бульвары и наконец подъехал к гостинице с громадными иероглифами на фасаде. Ребята с тренерами разместились в холле, а Леонид Кузьмич и встретившие их мужчина с женщиной пошли оформлять документы.

Леонид Кузьмич вернулся со связкой ключей и стал раздавать ребятам.

– Будете жить в двухместных номерах. Все номера на 14-м этаже. Сейчас поднимаемся к себе, устраиваемся, а в четыре часа сбор в моем номере, 1419-м.

Переводчица, похожая на сувенирную японскую статуэтку, подошла к Леониду Кузьмичу и обратилась к нему на русском с легким акцентом.

– Пожалуйста, немного задержитесь. В гостиницу приехал корреспондент ежедневной спортивной газеты. Он хотел бы сфотографировать вас с вашими учениками и задать несколько вопросов. Он надеется, что среди этих мальчиков и девочек есть будущие чемпионы мира и Олимпийских игр и через несколько лет он будет гордиться сегодняшними фотографиями. В Японии очень интересуются спортивной гим-

настикой и ее будущим. Это один из самых популярных видов спорта в Японии.

– Хорошо.

Переводчица подвела к ребятам невысокого человека в очках с толстыми линзами, делающими его зрачки громадными. Он был в джинсах и светлой куртке, на плече висел фотоаппарат с большим объективом. Корреспондент что-то сказал переводчице.

– Встаньте, пожалуйста, вот здесь, на фоне этих цветов. Тренеры в центре, а ребята по бокам. Вот так хорошо. Сумки возьмите в руки.

Корреспондент подошел к Павлу, взял его за руку и поставил рядом с Леонидом Кузьмичом. Потом он сделал несколько снимков и обратился к переводчице.

– Господин Мацумото спрашивает, давно ли тренируются эти ребята в вашем клубе.

– По шесть-семь лет, – ответил Леонид Кузьмич.

Мацумото улыбнулся, показал на Павла и опять обратился к переводчице.

– А этот парень, наверное, чемпион. У него прекрасная физическая подготовка, – перевела она слова корреспондента.

– Пока не чемпион, но мы на это надеемся, – сказал Леонид Кузьмич.

Мацумото сфотографировал Павла и Леонида Кузьмича по отдельности.

Он поклонился, поговорил с переводчицей и ушел.

– Господин Мацумото рассказал, что посвятил свою юность спортивной гимнастике и очень уважает русских гимнастов. При этом заявил, что японские гимнасты – ученики русских. Но ученики превосходили своих учителей.

– Это мы еще посмотрим, – сказал Леонид Кузьмич. – Пошли, ребята, надо отдохнуть. Завтра тренировка, а послезавтра – соревнования.

Все направились к лифту.

Глава 3. Люди Кре

Кин бежал вдоль гребня горы, стараясь ступать на мягкие и сухие пучки жухлой травы, торчащие из снега. Его грудь размеренно вздымалась, падающий снег таял на коренастом сутуловатом теле. В плену у монахов он сильно похудел, и казалось, будто он состоит только из мышц, костей и жил. Несмотря на то что не ел три дня, Кин, как и все люди Кре, мог без усталости бежать долго и легко. У поворота к Большой поляне его догнали черные остроносые собаки. Кин повернулся к ним лицом, сдвинул ладони и, как только ощутил упругое тепло между ними, направил на собак. Встречаясь взглядом с человеком, каждая из собак поджимала хвост, прижимала уши, по-щенячьи скулила и, дрожа всем телом, медленно отступала назад. Псы сбились в кучу и завyli, растерянно поглядывая то на человека, то друг на друга. Кин хлопнул в ладоши, и собаки вдруг притихли, преданно глядя на него и ожидая команды.

Кин закрыл глаза, вновь направил ладони на собак, а потом – на землю. Собаки сели на задние лапы и насторожили уши. Кин открыл глаза, посмотрел на стаю. Услышав шипящее «ясь-сь-сь-сь», собаки вскочили, развернулись и побежали навстречу своим хозяевам – монахам, рыча от злобы и пятная снег слюной.

Увидев беснующихся псов, монахи остановились. Горган-

ным голосом Аир приказал уничтожить собак-предателей. Монахи достали луки, вставили в них стрелы с наконечниками, смоченными в соке травы ум, прицелились и спустили тетиву. Потом они выпустили по второй стреле, потом – по третьей. Стрелы разили без промаха.

Визжа от боли и ярости, остроносые собаки катались по снегу, оставляя на нем кровавые узоры, и затихали черными пятнами. Из мохнатых тел торчали стрелы, а языки были прокушены собственными клыками.

Лицо Аира осунулось. Он отдал приказ части монахов обогнать беглеца по горам, другим – идти следом, чтобы окружить и взять живым, обязательно – живым. Монахи сняли с поясов сосуды из тыквы бу, растущей в долине Чин, и отпили по паре глотков напитка хра, подкрепив дух и тело.

Цепляясь за камни крюками, вырезанными из тазовых костей горных козлов, первый отряд монахов начал взбираться по склону горы. Монах Аир внимательно осмотрелся и последовал вслед за ними. Остальные монахи пошли, как им казалось, вслед за беглым человеком Кре.

Из-за дерева Кин видел, что монахи направились в сторону селения людей Кре. Пускать их туда было нельзя. Кин решил опередить монахов и преградить им путь в его родное селение. Из гибких веточек куста це и пучков прошлогодней травы Кин сплел рукавицы, наколенники и ходуны, надел и привязал веревками, свитыми изо мха. Хватаясь за камни защищенными руками и ногами, он двинулся путем,

известным только людям Кре. Когда монахи шли по горной тропе. Кин уже смотрел на них с вершины.

Тренировка

Гимнасты позавтракали, выпили по глотку смеси Коломийца для акклиматизации и пошли на утреннюю тренировку. Спортивный зал, предоставленный питерским гимнастам, располагался неподалеку от гостиницы. Девушки начали тренировку с исполнения вольных упражнений под фонограмму, а ребята работали на перекладине.

Павел застегнул на талии лонжу, густо натер накладки на ладонях магниезией, подошел к перекладине, подпрыгнул, схватился за гриф и, вращая тело вокруг него, двумя витками намотал тросы. Сделал отмах, потом – два больших оборота назад и отпустил руки. Леонид Кузьмич натянул лонжу тросами на блоках и выдернул Павла вверх. Павел прогнулся, три раза повернулся в воздухе, приземлился на ноги, но не удержался на месте и шагнул вперед.

– Опять тебя вперед потянуло! Вылетай вверх под углом в сорок пять градусов. Почувствуй воздух, регулируй полет руками и приземляйся сверху, а не под углом! Понимаешь, сверху! Сделай соскок без лонжи. Она тебе мешает, – Леонид Кузьмич с досадой махнул рукой.

В зале появилась переводчица и подошла к Леониду Кузьмичу.

– С вами хочет встретиться господин Мацумото. Он принес свежие газеты. Пригласить его?

В это время Павел сделал соскок с перекладины без лонжи и опять шагнул вперед после приземления.

– Пусть заходит. Паша, опять не устоял! Надо вверх вылетать. Отдохни и соберись! Что с тобой происходит?!

В спортзал вошел корреспондент, который накануне фотографировал гимнастов в аэропорту. В руке он держал пачку газет. Корреспондент тихо поблагодарил переводчицу и протянул газеты Леониду Кузьмичу. Тот вопросительно посмотрел на переводчицу.

– Господин Мацумото принес «Ежедневные спортивные новости», где напечатано интервью с вами. К сожалению, поместились не все фотографии. Редактор выбрал только одну, но самую лучшую, – сказала переводчица.

Леонид Кузьмич взял газету, развернул и стал рассматривать фотографии спортсменов, окруженные японскими иероглифами. Среди фотографий футболистов, штангистов, теннисистов и волейболистов размещался портрет гимнаста Павла Сосницкого. Снятый крупным планом, он казался старше своих лет.

– Вот таким ты будешь лет через пять, – улыбнулся Леонид Кузьмич, показав Павлу фото в газете. – Передайте господину Мацумото мою благодарность и переведите, пожалуйста, текст, напечатанный под фотографией Павла, – обратился он к переводчице.

– Статья начинается японскими фразами, трудно переводимыми дословно, дальше вообще идет непереводаемая иг-

ра слов. В общем, написано живо и остроумно. Я могу передать только смысл написанного. О вас сказано, что вы – опытный тренер и наставник будущих чемпионов, среди которых Павел Сосницкий – надежда русской гимнастики. Господин Мацумото говорит, что обязательно придет завтра на соревнования и сделает подробный репортаж. Он приносит свои извинения за то, что помешал тренировке ваших талантливых учеников, и желает им победы.

Господин Мацумото поклонился, и они с переводчицей ушли.

Как только Павел начал разминаться на коне, в зале вновь появилась переводчица.

– Пришли незнакомые мне люди, представились поклонниками гимнастики. Они хотят с вами поговорить. Сказать, что вы заняты? – обратилась она к Леониду Кузьмичу.

– Нет, нет. Пусть войдут. Посмотрим, что это за поклонники.

В спортзал вошли трое необычно одетых мужчин. На них были длинные кожаные плащи, кожаные головные уборы, похожие на буденовки времен Гражданской войны, и мягкие кожаные сапожки с отворотами. Переводчица провела гостей к тренеру. Их лица были так загорелы и обветрены, что казались дублеными, узкие глаза смотрели бесстрастно и отчужденно.

– Здравствуйте, уважаемый господин Панков, – сказал один из них по-русски со странным акцентом.

– Здравствуйте, – ответил Леонид Кузьмич., – Чем могу служить?

– Мы почитатели спортивной гимнастики и просим разрешения присутствовать на тренировке ваших замечательных учеников. О них писали в газете как о будущих чемпионах.

– У нас не принято, чтобы посторонние, кто бы они ни были, присутствовали на тренировках. Приходите завтра на соревнования.

– Понимаю. А может, вы расскажете нам о своих учениках?

– Мы заканчиваем тренировку через два часа. Приходите, поговорим.

Люди в кожаных плащах вышли из спортзала.

Гимнасты продолжали тренировку.

– Паша, можешь идти в душ. Ты хорошо размялся и сделал комбинации на всех снарядах. Володя с Олегом еще по разу выполняют вольные упражнения, а ты, Саша, еще разок протражи комбинацию на брусьях и акцентируй внимание на стойку перед соскоком.

После душа все собрались в углу зала и расселись на матах.

– Что-то вы, ребята, не в своей тарелке. Наверное, это из-за резкой перемены климата. В гостинице еще выпьете смесь Коломийца и – спать, спать, спать. На вечерней тренировке просто разомнемся и растянемся и никаких нагрузок. Побережем силы для соревнований. А теперь...

Но Леонид Кузьмич не успел договорить. В зале снова появились три человека в кожаных плащах. Улыбки на их лицах казались наклеенными, глаза смотрели настороженно и внимательно. Леонид Кузьмич поднялся с мата и пошел в тренерскую, гости – за ним.

Они разместились за небольшим столом.

– Прежде всего, я хотел бы знать, что именно вас интересует, – начал разговор Леонид Кузьмич.

– Для начала мы представимся. Меня зовут Чун, а моих друзей Лен и Ру. Нас интересует, как вы отбираете учеников, как их тренируете, как дозируете физические и психологические нагрузки.

– Отвечу только одной фразой: каждый ученик требует своего подхода.

– Четко и емко. Тогда расскажите о каком-нибудь неординарном ученике, не таком, как все. Ведь именно по исключениям из правил можно судить о самих правилах. Я правильно рассуждаю по-русски?

– Если бы не акцент, я бы подумал, что вы выросли в России, настолько точно выражаете свои мысли по-русски.

Чун вынул из кармана плаща газету и развернул ее.

– В этой газете я увидел фотографию вашего ученика. Там написано, что он – юниор. Но на вид ему лет двадцать. Это возраст сложившегося гимнаста.

– На этой фотографии Павел Сосницкий выглядит намного старше своих лет.

– Часто любовь к спорту детям передают родители. Его родители тоже занимались гимнастикой?

– Мать Паши занималась спортивной гимнастикой в школе, а потом – в институте. Выполнила норму мастера спорта. Была чемпионкой общества «Буревестник».

– А после института она занималась гимнастикой?

– Пашины родители геологи. Профессия бросает их с одного места на другое. Им некогда серьезно заниматься спортом. Но спорт помогает на работе.

– Каким же образом?

– Отец Паши занимался альпинизмом, мать – гимнастикой. С такой подготовкой они могут лазить по самым труднодоступным местам и даже по горам.

– Ходить по горам нелегко. Я это знаю. Я работал проводником в горах.

– Вы и гимнастикой занимались?

– Гимнастикой я стал заниматься поздно, но полюбил ее на всю жизнь. Гимнастика – это не просто спорт. Это искусство. Один и тот же элемент можно выполнить по-разному. У каждого большого гимнаста свой неповторимый почерк. Я часами могу смотреть записи выступлений гимнастов прошлых лет, особенно русских гимнастов. Раньше гимнасты обращали больше внимания не на сложность, а на красоту и чистоту исполнения, на стиль и композицию.

– Гимнастика изменилась. Чтобы выиграть соревнования сегодня, надо выполнять очень сложные элементы и ком-

бинации. А сложность иногда мешает композиции и чистоте исполнения. Это – диалектика гимнастики. Нередко мне больше нравятся показательные выступления гимнастов, чем их комбинации на соревнованиях. На показательных выступлениях гимнасты раскованней и свободней, потому что им не ставят оценок и не страшно упасть со снаряда. Но чтобы попасть на показательные выступления, надо быть в числе лидеров. Получается замкнутый круг.

– Вы настоящий философ. И, видно, очень хороший учитель. Мы хотим пригласить вас потренировать наших гимнастов. Условия будете диктовать вы. Можно поговорить с кем-нибудь из ваших учеников?

– Вы сможете поговорить с моими учениками через два дня. Завтра у нас первенство по многоборью, а послезавтра – первенство на отдельных снарядах. Ребятам надо подготовиться, собраться. Их ничто не должно отвлекать. Кроме того, у них акклиматизация.

– Вы настолько уверены в себе, что говорите обо всем честно и открыто. Мы завтра уезжаем. Мы хотели бы поговорить с вашими учениками сегодня, но, конечно, в вашем присутствии.

– Вынужден вам отказать. Но я надеюсь, что мы с вами еще когда-нибудь встретимся и поговорим о гимнастике. Это неисчерпаемая тема, – Леонид Кузьмич поднялся из-за стола, давая понять, что разговор закончен.

В тренерскую постучали. Открылась дверь. В дверях сто-

ял Павел Сосницкий.

– Извините, Леонид Кузьмич. Я хотел с вами посоветоваться. Я считаю, что соскок с коня не вписывается в комбинацию, которую я буду завтра выполнять. К ней больше подойдет выход в стойку из кругов Деласала. Может, на вечерней тренировке и обкатаем эту комбинацию?

– Паша, об этом поговорим в гостинице. Сейчас я занят.

В глазах Леонида Кузьмича появился стальной блеск. Он не любил менять комбинации на снарядах накануне соревнований, но еще больше не любил, когда его разговоры с учениками слышат посторонние.

– Ну тогда я пошел.

– Иди.

– До свидания, господин Панков, – сказал Чун, поднявшись из-за стола.

Лен и Ру тоже поднялись. Леонид Кузьмич по привычке протянул гостям руку, чтобы попрощаться. В глазах Чуна мелькнули удивление, настороженность и, как показалось Леониду Кузьмичу, страх. Пересилив себя и, вероятно, вспомнив, что во многих странах именно так принято приветствовать друг друга и прощаться, Чун пожал руку Панкову. Кисть у Чуна была тонкая, но сильная, как стальная пружина. Леониду Кузьмичу показалось, что от нее исходит чрезмерное тепло. Следуя примеру Чуна, Лен и Ру тоже неловко протянули руки для прощания. Их ладони вспотели и дрожали от волнения. Видимо, рукопожатие казалось им

противоестественным.

Когда гости вышли из спортзала, Павел уже направлялся к гостинице. Чун окликнул Павла.

– Господин Сосницкий, пожалуйста, уделите нам несколько минут внимания.

Павел замедлил шаг. Внезапно он ощутил за спиной опасность и, не задумываясь, отскочил в сторону. Через долю секунды по тому месту, где он стоял, проехала мусороуборочная машина. Впереди и позади нее вращались цилиндрические валы со щетками. Они подметали тротуар и с гудением всасывали мусор. Водитель что-то кричал по-японски.

Люди в кожаных плащах смотрели на Павла так, словно неожиданно встретили человека, которого давно искали.

– Осторожнее, господин Сосницкий. Сейчас время уборки улиц. Еще миг, и вы бы попали под машину, – сказал Чун, – но у вас прекрасная реакция, – Чун восхищенно покачал головой. – Вы настоящий спортсмен! Мы мечтаем, чтобы у нас появились такие спортсмены. Если вы уделите нам немного времени и расскажете о том, как тренируетесь, мы будем очень признательны и благодарны.

Павел поправил спортивную сумку на плече и развел руками.

– Об этом вам лучше говорить с Леонидом Кузьмичом. Он составляет план тренировок. Извините, мне нужно пойти пообедать, а потом – отдохнуть перед вечерней тренировкой.

– Вы пойдете в ресторан при гостинице?

– Да. Там есть меню для спортсменов.

Чун сказал своим спутникам несколько слов.

– Мы тоже пойдем с вами в ресторан, чтобы узнать, как питаются спортсмены, – Чун вежливо наклонил голову.

Они вошли в гостиницу и прошли направо, где из-за большой прозрачной двери ослепительно улыбался неоновый человек с румяными щеками и светились иероглифы. Павел расположился за столиком у окна, люди в кожаных плащах разместились рядом. В зал вошел Володя Пилипонов и, увидев Павла, направился к нему.

– Привет, Паша. У тебя свободно?

– К сожалению, за этим столом могут поместиться только четыре человека, – сказал один из «кожаных» людей, неестественно широко улыбаясь.

Володя Пилипонов сел за соседний столик, с интересом поглядывая на незнакомцев.

К столику подошел официант и сказал Чуну что-то резкое. Тот ответил столь же резко. Официант строго посмотрел на людей в плащах, осуждающе покачал головой и подошел к Павлу. Лицо официанта оживилось, он сделал жест рукой, мол, подождите, и скрылся на кухне. Через минуту вернулся, держа в руке спортивную газету с фотографией Павла. Протянул Павлу газету и шариковую ручку. Павел расписался под своей фотографией. Официант показал двумя пальцами букву V – «виктория», положил на столик меню и отошел. В меню был лист с русскими названиями блюд.

– О, господин Сосницкий, вас уже узнают в ресторане! После соревнований вы станете совсем знаменитым. А нам официант предложил снять верхнюю одежду. Я объяснил, что это не верхняя одежда, а платье мужчин нашего положения и на улице, и в помещении. Без него мы чувствует себя неловко.

Павел взял меню и стал выбирать блюда. Потом он передал меню Чуну.

– Спасибо, господин Сосницкий, но мы закажем то же, что и вы.

– Вряд ли вам будет достаточно салата из капусты, куска отварной говядины, банана, яблока и двух кусочков хлеба, – сказал Павел. – Перед второй тренировкой мы едим мало.

– Мы будем есть то, что едят настоящие спортсмены, – ответил Чун.

Павел промолчал. К столику опять подошел официант и принял заказ.

– Пока принесут обед, мы с вами можем побеседовать о спорте, – обратился Чун к Павлу. – Ваш учитель сказал, что любовь к спорту вы переняли от своих родителей. Это очень интересно. Вы, наверное, похожи на свою маму или своего папу. У вас есть фотография родителей?

– Есть общее фото. Мы снимались месяц тому назад на даче.

Павел достал портмоне из кармана куртки, раскрыл его и вынул фотографию. Чун взял ее и стал с интересом рассмат-

ривать.

– Прекрасная фотография. Настоящий групповой портрет. Ваши родители – красивые люди. У матери – густые темно-русые волосы, а у отца – пронзительные голубые глаза. Вы, наверное, пошли в какую-нибудь из бабушек с черными волосами и миндалевидными глазами. Не правда ли?

– Да, мать мне говорила, что у меня такие же черные волосы, как у ее отца. Он погиб во время войны.

– Ваш учитель сказал, что ваши родители геологи и бывали в горах. Я тоже бывал на многих горах. Может, даже встречался с вашими родителями. Они бывали на Алтае?

– Там они бывали много раз. По месторождениям руды на Алтае отец защитил и кандидатскую, и докторскую диссертации.

– А мать тоже защитила диссертацию?

– Нет. Мать родила меня и перестала писать диссертацию.

– И где же вы родились?

– На Алтае.

– Значит, мы с вами земляки.

Пришел официант с подносом. Он обратился по-японски к Чуну. Чун отрицательно помахал руками. Официант улыбнулся, поклонился и ушел.

– Официант сказал, что мы забыли заказать напитки. Я ему ответил, что напитки нам не нужны. Мы взяли с собой прекрасный фруктовый сок. Он вкусный, полезный, утоляет жажду и в нем много витаминов. Приятного аппетита.

– Приятного аппетита, – ответил Павел.

Они поели, и Чун достал из кожаного рюкзака резную деревянную флягу и несколько вставленных друг в друга деревянных стаканов.

– Мы закажем на десерт мороженое с фруктами, – сказал Чун. – Хотите чего-нибудь сладкого?

– Нет, – ответил Павел, – я выпью стакан вашего сока и пойду в свой номер.

Павел вынул пробку из фляги и налил сок в деревянный стакан.

Глава 4. Люди Кре (продолжение)

Кин вытянул руки ладонями вперед и соединил концы больших и указательных пальцев так, чтобы образовался треугольник. Он направил треугольник на скалу, нависающую над пропастью. Чтобы скала точно вписалась в треугольник, он отступил в сторону и назад. Потом Кин прошел шесть шагов вперед и руками начал разгребать снег под собой. Снег прикрывал большой округлый камень с двумя сквозными отверстиями. Кин вытащил из-под камня две узловатые палки, сделанные из корней ползучей сосны, и до упора вогнал их в отверстия. Он всем телом навалился на торчащие «рычаги», они выгнулись и сдвинули камень в сторону. Под камнем открылся темный провал. На Кина дохнуло теплом и сыростью.

Держась одной рукой за палку, торчащую из камня, Кин свесился в провал и достал висящий на стене канат, сплетенный из травы сум. Этот канат, трижды ошпаренный вскипяченной талой водой, при растяжении пружинил, свиваясь кольцами.

Один конец каната Кин обернул вокруг щиколоток, сделал несколько витков и закрепил на талии узлом ми. Второй конец обмотал вокруг камня, привязал к торчащим из него палкам, вытянул руки вверх и прыгнул в зияющую пустоту.

Когда Кин вылетел из провала, канат натянулся и развер-

нул тело головой вниз. Оно воткнулось в теплую воду подземного озера, поднимая брызги. Пружинистый канат выдернул беглеца из воды. Тот вывернулся в воздухе, схватился руками за трос, подтянулся и полез вверх, до каменного уступа. Стоя на уступе, Кин осмотрел пещеру. Ее освещал скудный свет, пробивающийся от провала.

Развязывать узлы ми умели только люди Кре. Кин освободился от каната, привязал к его концу камень, который лежал на уступе, и осторожно опустил в воду.

Беглец набрал в легкие воздуха и прыгнул в воду под углом, чтобы не напороться на подводные камни. Достигнув дна, Кин смягчил удар руками, поднырнул под скалу, оттолкнулся от выступа ногами, проплыл вперед, задевая спиной каменный свод, и наконец вынырнул.

Исчезновение

– Что это? – чья-то рука взяла у Павла стакан с соком.

Павел поднял голову. У столика стоял Леонид Кузьмич. Он принюхивался к содержимому стакана. Панкова сопровождала Валентина Васильевна, тренер женской команды по спортивной гимнастике.

– Это сок, – ответил Павел.

– Завтра соревнования, а ты заливаешь в желудок все подряд! Попьешь в номере минеральной воды.

– Соком меня угостили ваши новые знакомые.

– Вот как, – Леонид Кузьмич посмотрел на людей в кожаных плащах. – Большое спасибо за угощение, но Павлу сегодня нельзя ни есть, ни пить ничего лишнего. Завтра соревнования.

Чун, Лен и Ру ели мороженое с фруктами. Чун поднял голову и улыбнулся.

– Мы запьем этим соком мороженое. Нам его пить можно. У нас завтра соревнований нет.

– У вашего сока странный запах. Он похож на запах валерьянки. Из каких фруктов его отжимали?

– Это сок горных ягод. Он поднимает силы и насыщает тело витаминами. Этому соку нет равных. Мы ведем переговоры с японской фирмой «О номи» о производстве такого сока в Японии. Он будет очень дорогим. Его сможет позво-

лить себе только состоятельные люди. Особенно те, у которых проблемы с потенцией и сердцем.

– Очень интересно, – сказала Валентина Васильевна. – Этот стаканчик, по-моему, чистый, – она взяла деревянный стакан и щедро плеснула из фляги. – Попробуем, что за чудесный сок.

Столик вдруг резко пошатнулся, толкнув Валентину Васильевну, и она выронила и флягу, и стакан. По кафелю расползлась лужа. Валентина Васильевна поскользнулась и упала. Леонид Кузьмич наклонился, чтобы помочь ей подняться. Сок из его стакана тоже пролился. Леонид Кузьмич в свою очередь поскользнулся и упал на Валентину Васильевну.

Когда к столику подбежали официанты, тренеры уже поднялись и поправляли на себе одежду.

Люди в кожаных плащах исчезли. Ни деревянной фляги, ни стаканов на полу не было. Пол выглядел сухим. Павел смотрел на происходящее и чудно улыбался. Он не был похож на самого себя.

– Паша, пойдем в номер. Отдохни перед вечерней тренировкой, – сказал Леонид Кузьмич.

Павел послушно пошел за тренером.

Они поднялись на лифте. Леонид Кузьмич пошел в 1419-й номер, Валентина Васильевна – в 1432-й, а Павел – в 1418-й.

Володя Пилипонов лежал на своей кровати, и дремал.

– А, это ты, Паша? Ложись, расслабься. Через три часа тренировка. Как тебе обед в японском кафе? Понравился?

– В кафе? Да, я, кажется, был в кафе. Ну да, мы с Леонидом Кузьмичом приехали на лифте из кафе. А где был ты? – неестественно скандируя, спросил Павел.

– Обедал за столиком рядом с тобой. А ты сидел с людьми в кожаных плащах.

– С какими людьми? В кожаных плащах? Но ведь сегодня жарко. Зачем они надели душные плащи?

– Паша, кончай придуриваться. Это те самые люди, что заходили сегодня к нам на утреннюю тренировку. Чем они тебя угощали?

– Угощали?!

– Ну да. Когда я уходил из кафе, они что-то доставали из своих мешков и раскладывали на столе.

Павел ощутил странную пустоту в голове и сел на край кровати.

– Что с тобой, Паша?

– Со мной все в порядке. Надо позвонить Светке. Я с утра ее не видел.

– Пойдем-ка лучше к Леониду Кузьмичу и возьмем у него каких-нибудь таблеток. Он еще в Питере говорил, что акклиматизация в Японии может протекать тяжело и если кто почувствует себя неважно, то надо сразу сказать ему или нашему доктору Дмитрию Ильичу. Помнишь? – Володя взял Павла за руку и повел его в номер тренера.

– Я себя нормально чувствую, только не могу понять, где я. Ты же живешь на первом этаже, а я сюда приехал на лифте.

– Пошли, пошли, там разберемся.

Володя постучал в номер Леонида Кузьмича. Тренер спросил, кто там, и открыл не сразу. За столом сидела Валентина Васильевна с раскрасневшимся лицом. На столе – несколько бутылок японского пива.

Леонид Кузьмич внимательно посмотрел на Павла.

– Что с тобой, Паша? – спросил он встревоженно.

– Со мной все нормально. Сейчас соберусь и поеду домой. Мать обещала сегодня сварить украинский борщ. Она очень вкусно готовит.

– И на чем же ты поедешь домой? Тебе придется ехать несколько тысяч километров.

– Шутите. На 27-м автобусе поеду. Кстати, я неплохо вожу машину и скоро буду ездить на тренировки на своем авто.

– Конечно, будешь ездить. А ты помнишь, что сегодня у нас еще вечерняя тренировка?

– Да? А который сейчас час?

– Четыре часа дня.

– Да... Леонид Кузьмич, откройте, пожалуйста, окно. Душно тут у вас.

– Я включу кондиционер.

– Нет, откройте окно. Воздух из кондиционера убит электричеством. Он мертвый. Им нельзя дышать. Он сушит горло. Воздух – это живое существо. Просто оно имеет расплыв-

чатуую форму и проникает во все щели. Это особая форма жизни. Но что вы можете понимать в жизни, если, кроме гимнастических снарядов, вас ничего не интересует. Вы – живой гимнастический снаряд, и ваши руки – это видоизмененные кольца, ноги – брусья. Не смотрите на меня так. Ваши глаза выдают в вас существо, мыслящее не мозгом, а магниезией. Вместо мозгов у вас магниезия.

Леонид Кузьмич открыл окно. В номер с улицы дохнуло бензином и йодом. Павел глубоко вдохнул, подошел к окну, снял противомоскитную сетку и положил на пол.

– Вот теперь воздух свежий. Видите – живой воздух несет с собой живых мушек и бабочек. Здесь стало легко дышать.

Втянувшись извилистой лентой, в открытое окно устремились мошки и бабочки. Они садились на стул, стоявший в углу гостиничного номера. Шевелящимся шаром облепили лежащий на стуле носовой платок. Все, как зачарованные, смотрели на насекомых. Часть соскальзывала с носового платка на сиденье стула и расползалась в разные стороны, растопырив крылья. Они падали на пол, продолжали ползти, добирались до ножек стола, стены или середины пола и замирали. На стул слетались новые насекомые.

Леонид Кузьмич подбежал к окну и закрыл его.

– Они садятся на мой носовой платок, как будто он их притягивает. Ничего не понимаю, – сказал Леонид Кузьмич.

– А я, кажется, понимаю. Леня, ты же давал мне свой платок, чтобы я вытерла руки, испачканные соком в кафе! По-

том ты вытер и свои руки.

– Ах вот оно что! Видимо, в этом соке есть то, что притягивает насекомых и усыпляет. И этим соком напоили Пашу.

– Как ты думаешь, для чего они дали ему этот сок?

– Чтобы он не смог завтра выступить на соревнованиях.

– Возможно, если они считают его лидером. Все наши ребята выступают примерно одинаково. А вот Володя Пилипов – явный лидер. К нему они почему-то не подсели.

– Но они же не знают, кто у нас лидер. Паша выглядит настоящим атлетом и на вид постарше других. Вот и подумали, что он – чемпион. Надо вызывать полицию, – решительно сказал Леонид Кузьмич. – Но сначала позовем Тригубчака. Пусть осмотрит Пашу.

– Паша не успел даже пригубить сок. Ты вырвал стакан у него из рук. Паша не мог отравиться. С ним происходит что-то другое. Но что?

– Успокойся, Валя, сейчас позвоню нашему доктору, – Леонид Кузьмич взял со стола трубку гостиничного телефона и набрал номер.

– Дима, срочно зайди в мой номер. Подробности при встрече.

Через несколько минут в номер Леонида Кузьмича вошел мускулистый мужчина в шортах, футболке и кедах на толстой подошве. На его губастом лице посверкивали линзы очков с сильными диоптриями, сквозь которые глаза казались большими и удивленными.

– Всем привет! Что случилось, Леня? Что за переполох? Ты что, наконец сделал предложение Вале и пригласил меня на помолвку? Тогда пойду переоденусь. Не могу же я присутствовать при таком важном событии в шортах.

– Дима, кончай свои шуточки. Дело серьезное. Осмотри, пожалуйста, Пашу. Обрати внимание на его психическое состояние. Больше ничего объяснять не буду, чтобы не сбивать тебя с толку, чтобы ты сам во всем разобрался.

Павел стоял на коленях у стула с насекомыми, облепившими носовой платок, держал в руке маленькую бабочку и внимательно рассматривал ее крылышки.

– Привет, Паша! – сказал Тригубчак.

Павел поднял голову и с любопытством посмотрел на Дмитрия Ильича, как смотрят на незнакомцев.

– Здравствуйте, – вежливо ответил Павел.

– Ты что, Паша, Дмитрия Ильича не узнаешь? Это же наш доктор, – сказал Леонид Кузьмич.

– Доктор? Рад познакомиться. Я тоже хочу стать доктором.

– Понятно. Ретроградная амнезия, – сказал Тригубчак. – Будем выяснять причину. Хронический алкоголизм исключаем, атеросклероза сосудов головного мозга тоже нет. Остаются шок, гипноз и психотропные вещества. И возможно, еще кое-что, но об этом говорить рано. Я с Пашей пойду в спальню и осмотрю его.

Павел вопросительно посмотрел на Леонида Кузьмича.

– Паша, иди с доктором. Он осмотрит тебя перед тренировкой.

Дмитрий Ильич с Пашей удалились в спальню.

– Паша, разденься, пожалуйста, до пояса, сядь на стул и предплечьями облокотись на стол. Так, хорошо. Лоб положи на руки и расслабься. Медленно считай вслух до пятидесяти. Я буду говорить, но ты не обращай на мои слова внимания. Думай только о числах, которые перечисляешь. Начинаем!

– Один, два, три, – Павел начал громко считать.

Одновременно Дмитрий Ильич едва слышно произносил невнятные слова.

Когда Павел произнес «пятьдесят», Тригубчак громко приказал:

– Теперь считаем в обратном порядке – пятьдесят, сорок девять, сорок восемь...

– Сорок семь, сорок шесть... – продолжил Павел.

На цифре «тридцать четыре» он провалился в прохладную мягкую трясину и обрел способность слышать вопросы, доносящиеся из пространства. Вопросы были так просты и наивны, что, отвечая, Павел невольно смеялся. Особенно смешным был последний вопрос.

– Во что были одеты люди, сидевшие с тобой за столиком в кафе?

– В темные кожаные плащи, ха-ха-ха! Не могли сложнее вопроса задать?

– Какого цвета были плащи?

– Темно-коричневые с узорами, изображающими фантастические растения с тройными листьями, веточками по шесть ягод на каждой и громадными цветами, ха-ха-ха! Не смешите меня! Таких листьев, таких ягод и таких цветов не бывает!

– Хорошо, Паша, очень хорошо. Сейчас ты ляжешь на эту кровать и проспишь ровно час. Ты проснешься в хорошем настроении. Ты вспомнишь все, что забыл. Ты здоров, в прекрасной спортивной форме и отлично выступишь завтра на соревнованиях.

Тригубчак уложил Павла и вышел из спальни.

– Ну как? – одновременно спросили Валентина Васильевна и Леонид Кузьмич.

– Еще не знаю. А где тот носовой платок, которым ты вытирал какой-то сок?

– Вот, – тренер показал пальцем на стул. На стуле лежал скомканный платок, а вокруг валялись бабочки и мошкара.

– Они залетели в окно? – уточнил Дмитрий Ильич.

– Да, – ответил Леонид Кузьмич.

– Понятно. Ничего не трогайте. Я сейчас вернусь. Только возьму у себя в номере набор реактивов.

– Какой набор? – спросила Валентина Васильевна.

– Для выявления допинга. Других реактивов у меня нет, но и эти помогут кое-что выяснить. Надо исследовать платок. Пашу не трогайте. Пусть поспит.

Тригубчак вышел из номера и вернулся с чемоданчиком,

украшенным наклейками различных отелей.

– Дайте-ка мне этот носовой платок, – попросил он.

Валентина Васильевна подала платок с налипшими насекомыми.

Дмитрий Ильич положил чемоданчик на стол, открыл и достал целлофановый пакет. Стряхнул в пакет насекомых, достал из чемоданчика прозрачный контейнер, бросил в него носовой платок и залил голубоватой жидкостью из пузатой бутылки. Затем вложил контейнер в ячейку чемоданчика и захлопнул его. На крышке загорелся красный глазок индикатора.

– Если реактивов достаточно, то скоро узнаем, чем хотели напоить Пашу непрошеные гости, – сказал Дмитрий Ильич. – А пока собери насекомых вот сюда, – он протянул Валентине Васильевне целлофановый мешочек.

– Кофейку тебе сделать? – спросил Леонид Кузьмич. – Или, может, пивка? Холодненькое, да еще и японское.

– Леня, сегодня я пью только чай, – ответил Тригубчак. – Вчера пришлось выпить литр виски с японскими коллегами. Я не знал, что японские медики могут столько пить. А на вид такие худенькие и маленькие.

– Хорошо, сделаем чай. Я купил какой-то особый японский, поднимающий не только настроение, но и все остальное. Надо попробовать.

Леонид Кузьмич и Дмитрий Ильич пили чай, Валентина Васильевна собирала в целлофановый мешок мошек-мо-

тыльков по всему номеру, когда чемоданчик прерывисто за-
пищал, сначала тихо, а потом все громче.

Тригубчак подошел к чемоданчику, открыл и заглянул
внутри.

– Твой носовой платок пропитан редкими растительны-
ми алкалоидами. Тут нужны дополнительные исследования,
качественный и количественный анализы. Это может сде-
лать только стационарная биохимическая лаборатория. Та-
кая есть у нас в Питере в СКА у Александра Валентиновича.
Если время терпит, подождем до Питера, а если нет, то при-
дется обращаться в Токийскую спортивную лабораторию и
обосновывать запрос.

– Ну и задал ты мне задачу, Дима.

– Задача возникла сама собой. Людей, что подсели к Паше
за стол, никто не знает. Их поведение подозрительно. Никто
не заметил, как они исчезли из кафе. Сок, которым хотели
угостить Пашу, содержит редкие алкалоиды. Они...

– Откуда ты все это знаешь, Дима? – спросила Валентина
Васильевна. – Тебя же с нами не было. Ты гостил у японских
спортивных врачей.

– Мне рассказал Паша. Под гипнозом всплывают такие
подробности, которые человек не вспомнит в обычной об-
становке.

– Под гипнозом? Ах да, я забыла. Ты же кроме всего про-
чего гипнотизер.

– Я не люблю слова «гипнотизер». От него отдает цирком.

Я психотерапевт. Гипнотический настрой пациента на доверие и откровение – один их компонентов психокоррекции. А она в современном спорте необходима.

– Дима, допинги уже запретили. Скоро запретят и психокоррекцию, – сказал Леонид Кузьмич. – Так что пока не поздно переквалифицируйся в гинекологи.

– Очень смешно. У тебя прекрасный казарменный юмор. Психокоррекция окружает нас всегда и везде. Спокойный разговор за чашкой чая – это тоже психокоррекция.

Леонид Кузьмич поднял руки вверх.

– Сдаюсь, Дима, ты, как всегда прав. Но что нам делать дальше?

– Надо поговорить с Пашей, а потом вызовем японскую полицию.

– Значит, позовем знаменитого «японского городского» из анекдотов, – сказала Валентина Васильевна.

– Шутишь, Валя. А вот мне не до шуток. Ну я пошел к Паше.

Павел Сосницкий глубоко и спокойно спал. В комнате, затененной шторами, его лицо казалось взрослым. Дмитрий Ильич задумчиво смотрел на Павла. В глазах Тригубчака, увеличенных линзами очков, удивление сменилось любопытством и предположением.

– Просыпайся, Паша, – тихо, но четко сказал Тригубчак. – Ты полон сил, у тебя прекрасное настроение, и ты готов к общению с людьми. Ты вспомнил все, что забыл.

Павел открыл глаза и улыбнулся.

– Ничего себе! И как это я здесь уснул? По-моему, уже пора на тренировку.

– Конечно, Паша, конечно. Сейчас ты пойдешь в свой номер, примешь душ, переоденешься, соберешь спортивную сумку и придешь сюда, в номер Леонида Кузьмича. Понял?

– Понял, Дмитрий Ильич. Я быстро.

– Мы тебя ждем.

Павел отправился к себе. Тригубчак подошел к окну и с высоты четырнадцатого этажа стал любоваться Токио.

– Ну, как там Паша? Помогла ему твоя психокоррекция? – спросил Леонид Кузьмич.

– Сдвиги есть, но не будем обольщаться. Сейчас вернется, протестируем его.

– Ладно, подождем.

Разговор не клеился, каждый думал о своем. Прошло около десяти минут. Павел не появлялся.

– Собирается, как барышня. Это на него не похоже, – сказал Леонид Кузьмич.

– Ему надо привести себя в порядок, – заметил Дмитрий Ильич, – А это требует времени.

– Да, да. Слышь, Дима, я вот что думаю. Неплохо бы нам после соревнований всем вместе – и спортсменам, и тренерам – сходить в японский бассейн. Говорят, это чудо. Никакой хлорки в воде, ощущение, что ты в океане, потому что стены преобразаются то в скалистые берега, то в песчаный

пляж. Скажи как пловец, стоит ли туда идти? Кстати, ты на соревнованиях по плаванию в Японии бывал?

– Не бывал я на соревнованиях за границей. Даже до мастера спорта не дотянул. Пару раз показал время кандидата в мастера, вот и всё. Но в Винницком мединституте был чемпионом. Не улыбайся, Леня, не улыбайся. В Винницком меде много неплохих пловцов, и выиграть было непросто. Один Валерка Журавлев чего стоил! Но в хлам спился. Сейчас ходит по пивнушкам и просит у посетителей кружку пива допить.

– Что-то долго Паши не видно. Уже двадцать пять минут прошло, как ушел переодеваться, – сказала Валентина Васильевна.

– Подождем, – сказал Леонид Кузьмич. – Поговорим пока, Дима, о том, как мы пришли в спорт. Я, например, поздно тренироваться начал, в четырнадцать лет, поэтому в спорте ничего и не достиг. А ты когда начал?

– Это смотря в каком виде спорта. Я ведь игровик. Играл в футбол, баскетбол, волейбол. В плавание пришел, когда в Смеле бассейн построили.

– Где-где?

– В небольшом городке Смела Черкасской области, где я родился.

– Ребята, хватит трепаться. Паши нет. Это мне не нравится. Надо за ним сходить. Вы с Димой идите, а я останусь здесь. Вдруг вы разминетесь, – сказала Валентина Васильевна.

на.

Тренер и врач посмотрели друг на друга и вышли из номера.

Леонид Кузьмич постучал в 1418-й номер гостиницы, где проживали Паша Сосницкий и Володя Пилипонов. Дверь открыл Володя.

– Володя, а где Паша? – спросил Леонид Кузьмич.

– Паша? Так он же у вас.

– Был у меня, но вернулся к себе, чтобы переодеться.

– Сюда он не приходил. Я его жду. Нам надо на вечернюю тренировку идти.

– Где городской телефон? – спросил Тригубчак.

– Вот, на столе, – ответил Пилипонов.

Тригубчак подошел к телефону и набрал номер полиции.

Глава 5. Люди Кре (продолжение)

Кин вынырнул между скалами, куда вода поднималась из горячего подземного источника и оставалась теплой. Осмотревшись, подплыл к скале с раздвоенной вершиной и, осторожно ступая по камням, вскарабкался на небольшое плато, поросшее ползучими соснами. Расщелина в скале, перегороженная замшелыми камнями, вела к жилищам людей Кре. Этот ход знали только они.

Спрятавшись за ветками ползучей сосны, Кин осмотрел гору. По снежному склону двигались темные фигурки монахов. Кин опередил их на день.

Протискиваясь между камнями, Кин вполз в расщелину и вошел в пещеру с блеклым светом, источаемым белесыми наплывами, похожими на застывшую смолу. За поворотом ход сужался. Съездившись, Кин, пролез между каменными стенами. Через шесть раз по шесть шагов ход раздвоился, и Кин пошел налево. Дальше ход извивался и через два раза по шесть шагов опять раздвоился. Кин еще раз свернул налево и через пять раз по шесть шагов попал в пещеру, от которой во все стороны разбежались узкие туннели. Два из них вели к людям Кре, а остальные – к скользким от подземных мокриц спускам, заканчивающимся обрывами, под которыми из земли торчали острые каменные наросты – зубы Су. На зубах Су были нанизаны истлевшие скелеты людей и животных.

Кин пошел по среднему туннелю. Через два поворота в проходе блеснул солнечный свет, и Кин вышел на каменный уступ, окруженный шершавыми каменными стенами. Сверху светлое небо, а внизу, в глубине темного провала, мерцала вода. Кин вытянул руки вверх и прыгнул. Когда тело вошло в ледяную воду, он тут же поджал ноги, резко вытолкнул их вперед, опрокинулся и втиснулся под скалу. Проплыл под скалой, царапаясь животом о шершавые стены, и вынырнул в ручье, на краю поляны Кре. Отвесные скалы, окружающие поляну, были недоступны даже горным козлам.

Кин вышел на берег недалеко от родного дома. Оса ощутила приближение мужа и вышла ему навстречу. Ее черные волосы были подхвачены сзади кожаным ремешком, туго облегая красивую голову с приподнятым затылком. Кин приложил ладони к вискам, посмотрел на Осу и ощутил ее настроение. В жене вибрировали радость и нежность. На Осе было платье, сплетенное из волокон коры волосатого дерева, а ее бедра согревала шкура горного козла, подвязанная на талии кожаным поясом.

Ощувив тревогу, исходящую от Кина, Оса вопросительно посмотрела ему в глаза. Зрачки ее раскосых глаз были так черны, что их не просвечивало даже солнце.

Глядя на Осу, Кин представил металлические лезвия ножей, металлические наконечники стрел, металлические пряжки на одежде неверных монахов.

Оса увидела образы, представленные Кином, и на ее лице

проступило отвращение, вызываемое у людей Кре металлом.

Глава У говорил, что металл губит людей Кре – от него они теряют силы и способность воспринимать мысли друг друга, и приходится, подобно глупым птицам, общаться только примитивными звуками. Металл делает людей Кре беззащитными, и они перестают ощущать опасность, исходящую от зверья и врагов. Закон Поляны Кре гласил, что тот из людей Кре, кто принесет металлический предмет, в первый раз подлежит наказанию, которое выберет сам, а во второй раз – прыжку на зубы Су. Одно из преданий людей Кре напоминало, что три раза по тридцать лет тому назад охотник Ил нашел под камнем металлический нож, убил им косулю, поел мяса и уснул у костра. Когда он проснулся, то не смог вспомнить дорогу домой, и его мысль, плененная металлом ножа, не сумела позвать на помощь людей Кре. Ил замерз среди скал. Окаменевшей от холода рукой он сжимал металлический нож. Люди Кре, что нашли замерзшего охотника и прикоснулись к металлу ножа, на два раза по шесть месяцев потеряли возможность ощущать мысли и образы других людей. Они могли общаться только посредством лживых слов, вызывая сочувственные улыбки у остальных людей Кре, которые говорили мало и скупно.

Из поколения в поколение люди Кре передавали своим детям умение общаться друг с другом мысленными образами. В зависимости от способностей, младенцы Кре осваивали его в разной степени – одни ощущали только эмоции и

намерения человека или животного, другие воспринимали даже самые потаенные желания и мысли. Люди Кре, не научившиеся общению мыслями, считались соплеменниками бесчувственными, убогими и примитивными.

Истинным рождением младенца Кре считался тот день, когда он мысленно попросит материнской груди и мать почувствует это. Диалог с матерью становился началом общения мыслями и образами с остальными. Человек Кре без труда мог настроиться на чувства и эмоции чужого человека и избежать конфликта с ним. Воспринимать слова и мысли на незнакомом языке могли немногие люди Кре. Даже Глава У владел этим искусством не в полной мере.

Высшей формой общения для людей Кре был обмен мыслями и словами, выражающими конкретные факты и действия. Этого достигали немногие.

Кин вошел в свое жилище. Его сын Рэй уже начал ходить и пытался поймать домашнюю ящерицу. Она увертывалась и пряталась в укромных местах. Но Рэй все равно ощущал ее присутствие и вразвалочку по-медвежьи следовал туда. Кин одобрительно улыбнулся.

По обычаю Оса молча протянула Кину ячменную лепешку, вяленое мясо и кружку горячего напитка. Кин подкрепился и пошел к пещере Главы У. Перед разговором с учителем мужчина Кре не мог касаться женщины.

Глава У ощутил появление Кина и состояние его духа еще тогда, когда тот вынырнул из небольшого озера, образован-

ного ручьем Кре. У ждал своего ученика на пороге пещеры.

У приложил к вискам кончики пальцев и посмотрел на Кина. От взгляда У Кину стало не по себе. То, о чем подумал учитель, Кин ощутил еще по дороге к родным пещерам, но прогонял эти мысли и даже не обозначал их словами. Но Глава У сформулировал мысленно: «Люди Кре исчезнут, и в живых останутся лишь несколько человек, среди них, возможно, – ты и твой сын. Вы растворитесь в других людях, усилив их неведомыми им знаниями. Мне больше нет смысла руководить людьми Кре, потому что я веду их к исчезновению. Причиной исчезновения людей Кре станет человек с двумя лицами, обнаружить которого невозможно, ибо он сам не ведает о своей роли. Я даже не знаю, стар он, молод или только родился, но он уже есть. Он – один из нас, но он не среди нас. Одно его лицо смотрит на нас с любовью, а другое – с ненавистью».

Японский городской

– А вот и японский городской, – с улыбкой сказала Валентина Васильевна, когда в номер Леонида Кузьмича вошли японский полицейский в форме и человек в штатском.

– Меня зовут Токаси Тукагава. По званию я не городской, а капитан, по-японски – тайи, сотрудник Городского полицейского управления Токио, – по-русски с приятным акцентом сказал человек в штатском.

Валентина Васильевна, не ожидавшая, что гости поймут ее слова, покраснела и, чтобы скрыть смущение, стала рыться в своей сумочке.

– Очень приятно, – Леонид Кузьмич встал и протянул руку. – Леонид Кузьмич Панков, главный тренер юношеской сборной команды Санкт-Петербурга по спортивной гимнастике.

– Вас, наверное, удивляет, что я говорю по-русски, – сказал Тукагава., – Русским языком я увлекся в юности, когда занимался гимнастикой. В то время гимнастика была самым популярным видом спорта в Японии. Тогда русские и японские гимнасты были единственными соперниками и учились друг у друга. Вы, наверное, помните те времена? Чтобы лучше освоить сложные гимнастические элементы, я стал изучать русский язык. Я полагал, что это поможет мне стать чемпионом, – Тукагава улыбнулся.

Темно-синий костюм элегантно сидел на худощавой фигуре Тукагавы, а очки делали его лицо беззащитным. Его возраст невозможно было определить. С одинаковым успехом ему можно было дать и тридцать пять лет, и пятьдесят пять.

– Японские гимнасты достигли вершин мастерства благодаря тому, что учились у советских. Но японские гимнасты пошли своим путем и создали новую школу гимнастики с особой азиатской красотой исполнения комбинаций, – сказал Леонид Кузьмич. – А сейчас мы делаем обратный ход – учимся у японцев и обязательно их обгоним.

– Меня направили к вам как полицейского, знающего и русский язык, и гимнастику. Это поможет в расследовании. Мой помощник осмотрит номер, где жил Павел Сосницкий, а я хотел бы побеседовать со всеми, кто хорошо его знает. С друзьями, с тренерами.

– Вы сказали – «жил» в прошедшем времени. С Пашей случилось что-то непоправимое? – спросила Валентина Васильевна.

– К сожалению, я часто путаю времена и падежи. Отсутствие практики. По-русски приходится разговаривать только с компьютером, – ответил Тукагава.

– А мне показалось, что вы хорошо знаете русский. Даже отличаете городского от капитана, – Валентина Васильевна смотрела на полицейского с нескрываемым интересом.

– Леонид Кузьмич, вы позволите, чтобы ваша спальня на время стала моим рабочим кабинетом? Там я смог бы опро-

сильно людей, знающих Сосницкого, – обратился Тукагава к Панкову.

– В этой спальне уже работал наш врач Тригубчак. Располагайтесь. Чем еще могу помочь?

– Я хотел бы поговорить с другом Павла Сосницкого. У него есть друг?

– Паша дружит с Володей Пилипоновым. Мы даже поселили их в одном номере. Я его приглашу, – Леонид Кузьмич поднял трубку гостиничного телефона и набрал номер. – Володя, зайди, пожалуйста, ко мне.

Через несколько минут вошел Володя Пилипонов. Он был среднего роста, с покатыми плечами и светлыми волнистыми волосами. Леонид Кузьмич жестом пригласил ученика пройти в спальню к Тукагаве.

– Присаживайтесь, – полицейский показал на стул., – Меня зовут Токаси Тукагава. Я капитан японской полиции. Я пригласил вас в связи с исчезновением Павла Сосницкого. Вы с ним дружите и лучше других знаете его характер, привычки, слабости, увлечения. Расскажите мне о нем.

– Паша кажется человеком мягким и покладистым. Он никогда ни с кем не ругается и не спорит. Он внимательно выслушивает то, что ему говорят, а потом все делает по-своему. Мы к этому уже привыкли. А вообще он хороший и надежный парень.

– Это общие слова. Увлекается ли он девушками?

– Девушкам Паша нравится, даже очень. Сейчас он встре-

чается со Светой Мешковой. Мы вместе тренируемся.

– Она тоже приехала в Токио на соревнования?

– Нет.

– Значит, Павел мог увлечься здесь другой девушкой?

– Я бы об этом знал.

– Есть ли у вашего друга слабости – сигареты, пиво, игровые автоматы, карты?

– Нет.

– Может, он увлекается чем-нибудь другим? Читением книг, компьютерными играми, коллекционированием марок или значков?

– Он хочет стать врачом и читает книги, связанные с лечением разных болезней.

– Учебники?

– Нет. Он покупает книги о древних методах лечения. Например, о лечении травами, о йогах, костоправах, иглоукалывании. Кстати, он интересуется японской терапией «шиацу». Тренирует чувствительность пальцев.

– А что он делал сегодня после утренней тренировки?

– На тренировку пришли какие-то люди в длинных кожаных пальто. Они разговаривали с нашим тренером Леонидом Кузьмичом Панковым. А потом в кафе я видел их вместе с Пашей. Они обедали за одним столиком. Потом к ним подошли Леонид Кузьмич и Валентина Васильевна.

Лицо Тукагавы стало серьезным. Он достал из кармана мобильный телефон, нажал кнопку и заговорил по-японски.

Это был уже не мягкий и застенчивый интеллигент. Его слова звучали резко, отрывисто и властно. Тукагава замолчал и посмотрел на дисплей телефона. На нем появились фото.

– Владимир, посмотрите, пожалуйста, на фотографии этих людей и скажите, видели ли вы их? А если видели, то где? – фото увеличались, и остались только лица.

– Это те самые люди, которые приходили к нам на тренировку! А потом я видел их в кафе за одним столиком с Пашей Сосницким.

– Спасибо, Владимир. Надеюсь, завтра вы удачно выступите на соревнованиях. Не буду вас больше задерживать. Пригласите, пожалуйста, Валентину Васильевну.

В спальню вошла тренер женской сборной команды. Тукагава встал и предложил даме присесть.

Валентина Васильевна разместилась в кресле у журнального столика, положив ногу на ногу, и кокетливо посмотрела на Тукагаву.

– Уважаемая Валентина Васильевна, посмотрите, пожалуйста, на эти фотографии. Вы узнаете этих людей?

– Да. Я их видела в кафе за одним столом с Пашей Сосницким. Они хотели угостить нас каким-то особым напитком, но он расплескался, – Валентина Васильевна подробно рассказала о том, что произошло в кафе.

Тукагава молча кивнул, нажал кнопку на мобильном телефоне и заговорил на японском. Черты его лица обострились.

– Большое вам спасибо за информацию. Пригласите, по-

жалуёйста, врача, который звонил в полицию.

В спальню вошел Дмитрий Ильич Тригубчак. В руке он держал чемоданчик с реактивами.

– Меня зовут Токаси Тукагава. Я офицер японской полиции. Мы с помощником приехали сюда по вашему звонку.

– Очень приятно. Дмитрий Тригубчак, врач сборной команды по спортивной гимнастике.

– Уважаемый господин Тригубчак, вы сообщили, что обнаружили на носовом платке пять растительных алкалоидов. Как вы смогли их обнаружить?

– При помощи стандартного набора реактивов для определения допинга в крови и моче спортсменов.

– Наши специалисты сказали, что для такого анализа нужны дополнительные реактивы, довольно редкие и дорогие.

– Да, они правы.

Тукагава молча смотрел на Тригубчака.

– Судя по вашему молчанию, вас интересует, как я мог провезти в Японию дополнительные реактивы и не указать в декларации. Я правильно понял? – спросил Дмитрий Ильич.

– Да, именно это я и хотел узнать.

– Я их не провозил. Купил здесь.

Тукагава вежливо, но недоверчиво улыбнулся.

– Вы, наверное, думаете, что их трудно достать? И это правда. Я обыскал все магазины вокруг и нашел то, что надо, только в небольшой лавке вон в том доме, – Тригубчак подошел к окну и показал пальцем на тридцатипятиэтажный небо-

скреб.

– Там есть магазин по продаже химических реактивов? – спросил Тукагава.

– Мягко говоря, я не очень хорошо читаю по-японски, так что не смогу сказать, что было написано на вывеске лавочки. Но там продают не только химические реактивы, но также хлеб, консервы и фрукты. Я покажу набор реактивов, а уж вы прочитаете, что там на них написано, – Дмитрий Ильич раскрыл чемоданчик, достал целлофановый пакет и протянул Тукагаве.

Офицер осторожно взял пакет, положил на стол и достал из него пачку сахара, бутылочку уксуса, пакетик пищевой соли, флакон медицинского спирта, склянку нашатыря и ампулу глюкозы.

Тукагава молча рассматривал все, что достал. Задумчиво постукивал пальцами по столу и вдруг рассмеялся. Смеялся он негромко, но искренне.

– Как вы поняли, дополнительно к стандартному набору химических реактивов, я применяю сахарозу, раствор поваренной соли, раствор уксусной кислоты, глюкозу, нашатырный спирт и этиловый спирт. Кстати, получаются убедительные результаты. Открою вам по секрету, что многие биохимические анализы, особенно качественные, можно значительно упростить и в десятки раз удешевить. Но это невыгодно солидным лабораториям. А знаете, что придает солидности? Дорогостоящие многоэтапные химические реакции.

Чем дороже, тем солиднее, – Тригубчак поправил очки и смотрел на Тукагаву без тени улыбки.

– Вы большой шутник, господин Тригубчак. Наверное, хорошо учились в институте и отлично знаете химию. А теперь занимаетесь научными разработками. Вы разработали дешевое и доступное исследование, но, к сожалению, результаты придется проверить стандартными реактивами. Речь идет об исчезновении человека и с результатами, полученными вами, не все могут согласиться.

– Пользоваться такими реактивами меня заставила жизнь. Есть русская поговорка: «Голь на выдумки хитра». В советское время приходилось пользоваться теми химическими реактивами, которые можно достать, и доступными по цене. Я дополнял анализы своими разработками. На тему экспресс-анализов я опубликовал несколько статей в журнале «Врач-лаборант». Я сделал только предварительные анализы, а вы проверяйте.

– Понимаю. Я сейчас вызову сотрудников Токийской криминалистической лаборатории для исследования содержимого носового платка господина Панкова. Придется взять анализы крови и мочи у Панкова, Валентины Васильевны и всей вашей команды.

Тригубчак вышел из спальни гостиничного номера. Тукагава задумчиво смотрел ему вслед.

Глава 6. Бегство

Ученики принесли корзины с фруктами, овощами, вяленым мясом, копченой рыбой и положили их у входа в покои Наставника. Напитки в сосудах из тыквы Бу они осторожно уложили на землю и кожаными ремешками привязали горлышки к деревянным столбикам. На спилы столбиков положили деревянные подносы со свежими лепешками, накрытыми синими лопухами. Наставник Ют наблюдал за учениками из-за занавески.

– Сегодня после обеда вы подниметесь на Плоские горы. Ни еды, ни питья с собой не брать, только оружие. В горах питайтесь только тем, что добудете на охоте и найдете среди камней. Слушайтесь своего командира Ды. Он настоящий воин и скалолаз. Но ни он, ни вы не должны тревожить меня в течение двенадцати дней. Я буду читать Книгу познания, – услышали ученики голос Наставника из окна. – Если вы пройдете это последнее испытание, то будете допущены к посвящению в воины. Испытание пройдут либо все, либо никто. Поэтому вы должны действовать сообща, делиться последним куском и последним глотком, помогать друг другу.

Ученики поклонились и ушли.

Наставник, одетый в цветастый хлопковый халат и мягкие тапочки, тайно купленные на городском рынке, открыл дверь и вышел из покоев. Его бритая голова начала темнеть

от прорастающих волос, щеки и подбородок покрывала щетина. Упругой походкой молодого человека он направился к принесенным продуктам, взял полоску мяса, впился крепкими зубами. Отломил кусок лепешки и отправил в рот вслед за мясом. Потом съел большое красное яблоко и запил напитком из сосуда.

Ют присел на пороге и, глядя на горы, задумался. В раскосых глазах появилась тоска, но тут же исчезла. Зрачки вновь стали непроницаемо черными и бесстрастными. Ют поднялся и ушел в свои покои, выложенные сосновыми бревнами в извилистой пещере. Ют прошел в дальнее помещение и взял большой кожаный мешок с ремнями.

Он не спеша наполнил мешок необходимым, а сверху положил вяленое мясо, рыбу, лепешки и сосуд с напитком. Горловину мешка стянул ремнями и стал переодеваться. Сбросил халат, обнажив мускулистое тело, надел брюки, рубашку и куртку, также тайком купленные на рынке в городе. Зашнуровал подкованные ботинки, надел кепку с большим козырьком и темные очки.

Когда солнце уже клонилось к закату, по склону горы спускался, помогая себе суковатой палкой, человек лет тридцати в одежде защитного цвета. За плечами он нес большой кожаный мешок. Тропа, едва заметная среди камней, извивалась, иногда делая круги, иногда уходя далеко в сторону, а порой даже назад.

Ют постучал в дверь небольшого дома, спрятанного сре-

ди скал. Дверь открыла молодая женщина с глазами, блестящими, как арбузные косточки. Она взглянула на Юта и бросилась ему на шею.

– Почему ты так долго не приходил? Я уже начала беспокоиться.

– Здравствуй, Ваи. Как себя чувствует наш Тук?

– Он спит. Ты надолго пришел?

– На двенадцать дней. Хочу побыть с сыном. Надо, чтобы он ко мне привык. Потом я пришлю Туку хорошего учителя. Он научит Тука писать, читать, драться, а главное, думать.

– Тук только начал ходить и еще ищет губами материнскую грудь. Ему рано учиться.

– То, чему учат человека в этом возрасте, врезается в память на всю жизнь, как шрамы в кожу. Так говорил мой учитель, незабвенный Луш. Еще он говорил, что искать надо не славы, а уверенности в себе и путей к задуманному. Кто ищет славы, тот ставит себе быструю цель. Но главное – это не цель, а путь. Путь и есть цель. Цель – ничто, путь – все. Жизнь – путь. Сущность человека определяет не цель, а путь, по которому он к ней стремится. Если к самой достойной цели ведет недостойный путь, то достижение бесполезно. Цель мимолетна, а путь долог и требует терпения, силы, выносливости, веры, твердости и умения. На пути встречаешь разных людей и разные испытания, и они либо ломают тебя, либо укрепляют. И лишь пройдя большой путь, становишься достойным той цели, к которой он ведет. Так говорил

мой учитель. Он умирал с улыбкой на устах и перед смертью сказал: иди, не останавливайся, чем больше пройдешь, тем ближе будет цель. Возможно, ты ее не достигнешь, но ты к ней приблизишься. И другие, глядя на тебя, пойдут твоим путем, даже если цели у них будут иными. Начиная свой путь, ты идешь к одной цели, а завершая – нередко приходишь к другой.

– Я приготовлю тебе ужин.

– Хорошо. Разбери мешок, который я принес. Там вещи и немного еды.

После ужина Ваи расстелила постель. Ют разделся и тихо позвал Ваи. Ее тело было горячим и бархатным.

Ют открыл глаза с первыми лучами солнца и встретился взглядом с Ваи. Она сидела на низкой табуретке у окна и смотрела на Юта.

– Ты редко приходишь в этот дом. Душой и телом ты там, в горах, а здесь появляешься как гость. Там у тебя женщина?

– Я тебе уже не раз говорил, что там живут только мужчины. Монахи и воины. Там нет женщин. Зачем же ты опять спрашиваешь меня об этом?

– Потому что ты создан для женщин.

– Только Великий Созидатель знает, для чего создан человек, и посылает его именно туда. Каждому человеку кажется, что он не там, где должен быть. Но он всегда именно там. Так говорил Луш.

За ширмой из твердого камыша раздался плач. Ваи броси-

лась туда и вернулась с ребенком на руках. Увидев Юта, ребенок повернулся к матери и вопросительно на нее посмотрел. Ваи неуверенно взглянула на Юта и тут же опустила глаза.

Ют взял мальчика на руки и прижал к груди.

– Здравствуй, сынок.

– Сынок, сынок, ха-ха-ха, сынок! – стал повторять мальчик понравившееся ему слово.

– Называй меня папа.

– Па-па-па-па-па-па-па! – заговорил мальчик.

Ваи выбежала из комнаты. В ее глазах блестели слезы. Ют прижался щекой к щечке сына.

– Пойдем, Тук. Мама приготовила нам с тобой что-то очень вкусное.

Ваи покормила Тука. Ют снова взял его на руки и понес на большую поляну за домом. Поднял сына над головой, повернул лицом к горам. Перед ними раздваивалась вершина горы, покрытая снегом. Ют сел на большой камень и поставил Тука на ноги. Тот неуверенно сделал несколько шагов и, чтобы не упасть, сел на землю.

– Смотри, Тук, я пришел оттуда, где раздваивается гора, – Ют показал пальцем на вершину. – Там живут монахи и воины.

– Воины, боины, роины, соины, – зачастил Тук.

– Я тоже воин, – продолжал Ют, не обращая внимания на то, что сын его еще не понимает. – Но с кем и за что воюю,

не знаю. На этот простой вопрос не ответят сто седых мудрецов. Как правило, люди воюют сами с собой. В голове каждого человека – два врага, борющихся друг с другом. Они по очереди побеждают, и убеждения человека меняются. Новые убеждения противоречат старым. И то, с чем человек воевал, становится тем, за что он воюет. И человек понимает, что те, кого он одолел в сражении, на самом деле были не врагами, а друзьями. Ты будешь умнее и мудрее меня, и ты поймешь больше, чем понял я. В моем роду есть люди Кре, и я многое унаследовал от них. Но монахи, которые избрали меня своим Наставником, воюют с людьми Кре. Они их безжалостно убивают при каждом удобном случае. Целитель Сьян, который спас моего учителя Луша от мучительной смерти, был человеком Кре. Шесть лет тому назад я убил его во время одной из встреч наших воинов с людьми Кре в горах. Я больше не могу убивать людей Кре, потому что в каждом из них я убиваю частичку себя. И частичку тебя, Тук. Я больше не могу быть Наставником монахов, убивающих людей Кре.

Тук смотрел на отца блестящими серыми глазами. В них сквозили детское любопытство и наивность. Такие глаза бывают у маленьких щенков, которые доверчиво смотрят на свою мать – суку, старательно облизывающую их.

– Лет через двадцать ты поймешь то, что я тебе сегодня говорил, а сейчас посмотрим на твой кулак, – Ют раскрыл ладонь правой руки, левой сжал пальчики ребенка в кулак и ударил этим кулаком по своей ладони.

– Тук, тук, тук, тук, – мальчик бил кулаками по ладони отца.

– Сильнее, сильнее. Ты должен стать лучшим воином, чем я.

– Вы разговариваете прямо как взрослые мужчины, – сказала незаметно подошедшая Ваи. – Можно мне, женщине, вмешаться в вашу беседу?

– Садись, Ваи, рядом с нами. Солнце нагрело камень, он теплый и не причинит вреда твоему здоровью. И ты родишь мне дочь.

– Я вчера ходила в горы и встретила монахов из монастыря Блунг. Я поприветствовала их, а они не ответили. Они смотрели мимо меня, как бы не слыша моих слов. Я не поняла, в чем причина. Ты их знаешь?

Лицо Юта стало серьезным и мрачным.

– Это произошло три раза по шестьдесят лет тому назад. Астролог Дра, живущий в монастыре Ач, определил по звездам нарушение равновесия между пятью началами всего живого и неживого. Между деревом, огнем, землей, железом и водой. Он сказал, что равновесие нарушают люди, рожденные в снегах. Они не признают железных ножей и железных наконечников стрел. Они не придают значения словам, считая их лживыми, потому что умеют слышать мысли друг друга и мысли остальных людей. Они могут исцелять людей, не прикасаясь к ним, без всяких лекарств. Они появились только для того, чтобы передать нам свои знания, и мы долж-

ны эти знания взять, как берут то, что валяется на земле, как срывают ягоды с веток, как убивают зайцев на охоте. После этого рожденные в снегах должны исчезнуть. Монахи монастыря Ач разделились на две части. Одна часть поверила словам астролога Дра, а вторая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.